

Мария Ботева

~

ТЫ – МОЯ ТАЙНА

Ю. П.

Мама уехала учиться, ее не будет очень долго, три недели и два дня. Нет, поменьше, неделя прошла уже.

Папа сказал:

— Конечно, тебе надо ехать. Мы справимся, не беспокойся так. Правда, Катюша?

— Справимся.

— Точно? — спросила мама, и глаза у нее стали какие-то виноватые.

А папа просто поцеловал ее, а Катя обняла.

На следующий день папа снова сказал, что они проживут без мамы и что ей совершенно не о чем волноваться. И через день. И потом еще.

Катя спросила, почему надо ехать именно сейчас, нельзя ли потом, после Нового года?

— Это специальные курсы. Потом могут не позвать, Катюш, — ответила мама. Они с папой теперь стали звать ее то Катенькой, то Катюшей. Только в школе все продолжали говорить: «Катя, Катька».

Мама показала папе, где лежат на кухне приправы, написала в тетрадке рецепты всего-всего. Спросила, справится ли он с дочкиной прической.

— Ерунда, конечно, это же очень просто, — ответил папа, позвал Катю и в два счета заплел ей косу. Правда, не с бантиком, а с резинкой на конце. Ничего, три недели и два дня можно и так проходить. Даже удобнее, а то бант всё время развязывается.

— Вот видишь, — сказал папа, — мы всё умеем.

Всё меньше оставалось времени до отъезда.

— Может, мне отказаться? — однажды спросила мама. — Как считаете?

— Даже не думай, — быстро сказал папа. — А кому?

Конечно, кому же еще? Лучше мамы никто не придумает, как раскрасить спектакль светом. К ней присылают учиться художников из других театров и даже из других городов. А теперь вот едет она сама.

На вокзале мама снова засомневалась, не лучше ли остаться дома.

— А что ты скажешь в театре? — спросила Катя.

— И твой чемодан мы уже загрузили, — сказал папа.

Мама уехала. Надолго — почти целый месяц ее не будет дома. Бабушка далеко. Катя с папой остались одни.

— Ничего, мы будем ей звонить, — сказал папа. — Каждый день. Еще надоест.

Разговаривать маме некогда, она учится с утра до вечера. Когда ей звонят, она выбегает из класса. Попробовал бы у Кати в школе кто-нибудь так сделать, а взрослые — пожалуйста.

— Сейчас-сейчас, — шепчет она и мчится к двери.

— Арина, скоро перерыв, — сказал ей сегодня учитель, — всего полчаса осталось.

— Я быстро, — пискнула мама и закрыла за собой дверь. — Вот видишь, какой строгий, — сказала Кате обычным голосом. — Как живешь? Где наш папа? Справляетесь? Ты похудела, кажется? Или это так свет падает? Как дела в школе? Как папа?

Мама так много всего сразу спрашивает, не успеешь на всё ответить. И планшет свой поворачивает туда-сюда, то всю ее видно, то только ухо или лоб. А сейчас вообще закрыла камеру пальцем, темно.

— Мама! — кричит ей Катя. — Мама! Я тебя не вижу! Убери палец! Мама, скажи, то, что ты учишься, — это хорошо? У всех родители уже ученые!

Наконец-то на экране мама, а не темнота. И сразу видно, какая она грустная. Только что радовалась, а теперь помрачнела. Лучше смотреть на одну щеку, она не такая печальная.

— Не знаю, Катюша. Я думаю, что очень хорошо. Здесь интересно.

— Интересно?

Подошел папа, и сразу же начался скучный разговор: как дела на работе, в школе, кто как себя чувствует, как там бабушка. Дочь отправили спать.

— А это секрет? То, что ты уехала? — спросила Катя в другой раз.

— Нет, все же знают, весь театр. Но если хочешь, не рассказывай никому.

— А, — вздыхает Катя, — ладно. А то у меня Колька всё вытягивает секрет: скажи да скажи.

— Могла бы и рассказать. Жалко тебе, что ли? — спрашивает папа.

— Как ты не понимаешь? — говорит Катя и идет спать.

— О чем это она? — спрашивает папа.

Мама вернулась бы домой пораньше, но боится, что накажут на работе. Всего-то она боится: что не сдаст экзамен, что приедет к себе в театр и позабудет, как с этим новым компьютером управляться, что испортит его. Папа ее успокаивает каждый день.

— Мама, — учит ее Катя, — ты только не говори никому, что боишься. Пусть у тебя будет тайна. Только такая, чтобы совсем никто не знал. Папе тоже не говори.

— Ну вот же папа, рядом сидит.

— Ладно, ему можешь. Он не расскажет. Но бабушке не говори.

В воскресенье днем папа с Катей позвонили маме, а она не училась, просто сидела в доме подруги, у которой живет. Мама долго-долго не отключала планшет. Катя почитала ей рассказ из учебника, показала рисунки. Потом мама помогла ей выучить стихи. Папа сидел рядом, говорил:

— Вот хорошо, хорошо, а то у меня не получается так.

— Вы не ссоритесь там с папой?

Мама слушала Катю, помогала ей, а сама чистила картошку, потом резала лук и плакала от него, совсем как дома. Суп готовится, Катя с мамой разговаривают. Получается, так тоже можно жить, но лучше, когда мама рядом, совсем близко.

— Мама, Колька всё время мне рассказывает тайны. Говорит, когда любят, надо всем делиться.

— Он тебя любит?

— Ну, видишь, раз всё мне говорит. И я не могу это рассказать никому! Даже тебе не могу. У меня уже скоро голова от них треснет! У него их столько! Снега меньше бывает. Может, он специально?

— Зачем?

— Мама, как ты не понимаешь? У меня в голове только его слова, и я теперь только с ним играю. Еще есть твои с папой. И из школы. Но ты далеко, с папой мы вечером видимся. Я теперь к Кольке как будто привязанная. Только с ним играю и разговариваю.

Но я ему про тебя не рассказываю. Не говорю, что ты учишься. Ты — моя тайна.

— Ты не любишь его?

— Да нет, люблю. Он добрый.

Потом мама побежала учиться. По дороге чуть не завернула на вокзал за билетом, но ее увидела подруга по учебе. И они вместе пошли на лекции. Мама думала о том, как тоскует по дому, по дочке и мужу. По своему осветительскому цеху. По работе и дороге к театру, хоть она и ругает всегда гололед и крутые ступеньки, а всё равно соскучилась и по ним тоже. Но потом пришлось много писать в тетрадке, и она отвлеклась.

После занятий вспомнила о билете, но ее задержал преподаватель Мокрушин, стал спрашивать, что она думает про последний спектакль в своем театре. Она отвечала, отвечала и немного успокоилась, тем более что Виктор Петрович ее похвалил.

Уже совсем поздно она позвонила папе и сказала, что теперь, пожалуй, она не боится возвращаться, не боится, что дома без нее не справятся, и что уже меньше скучает.

— Да, да, — говорил сонный папа, — конечно, ты умница. Да.

— На самом деле я очень скучаю. Но ты никому не рассказывай. Только Катьке.

— Да, да. Конечно, — сказал папа, — не скажу.